

Записки динозавра

Габдулла
Ахметшин

Что касается забывчивости, то с этим делом у нас всё в порядке. Кто сейчас помнит о ЮПи? Таково данное друзьями кодовое наименование Юрия Григорьевича Петрова.

**Продолжение.
Начало в № 57, 59, 61**

Поначалу я должен был именовать его Геннадием Ивановичем – он был grand persona, то есть ответственным секретарём редакции «Магнитострой». Поэт Юрий Петров освободил его кабинет в связи с отбытием в Москву для продолжения учёбы в литинституте, и там воцарился его преемник Габдулла Ахметшин.

Чернорабочие газеты

Как и все мы, рядовые чернорабочие газеты, он мотался по объектам стройки, отписывал материалы в очередной номер, но ещё делал макеты – чертежи газетных полос из того, что мы выдавали в вечной погоне за новостями. А ещё – писал стихи, о чём мы даже мечтать не смели. Он был воистину vip persona.

Стихи его были короткими и легко ложились в память: «Это радость, / Что ты рядом со мной / И улыбка не затуманена, / В небе звёзды / Играют с луной, / Льются песенно / Думы Рахманинова». Тогда он преданно лелеял свою любовь Римму Галеевну, великолепного детского врача, мать будущих прекрасных двух его дочерей. Он ей посвятил стих «Орчанка» – она родом из Орска, и, воспользовавшись «служебным положением», опубликовал его в нашем «Магнитострое». Вечный насмешник Юрий Петров немедленно откликнулся на его признания пародией «Портянка». Так начиналась наша дружба в далёком 62-м году.

Его тихое и порой непонятное мне чисто татарское упрямство выводило меня из терпения, и я достаточно бесцеремонно выска-

Наш друган ЮПи

Эпизоды о неординарном человеке, оставившем след в летописи Магнитки

зывался на этот счёт. Одним из поводов послужила псевдонимность его имени-отчества Геннадий Иванович. Поутру в выходной я однажды постучался в его дверь. Открыл мне невысокий, хрупкого телосложения аксакал. Стало понятно: отец. Чистый взгляд, лаконичная речь. Он сразу определил, кто я, с почтением отозвался о моём отце, попросил, чтоб мы не увлекались продукцией из штучного отдела, и отбыл. А таковая продукция грелась у меня в пиджаке, и я почувствовал себя крайне неловко. Уже за столом начал высказываться, что у его отца красивое, как у всех татар, имя Нагим, и грех ему называться Ивановичем. Не сразу, но без возражений Габдулла принял мои доводы. Свою неправоту он признавал молча. И вообще больше помалкивал и больше делал.

Из «Магнитостроя» он перешёл под крыло Якова Ременника в промышленный отдел «Магнитогорского рабочего». Вливаться в «новый» коллектив у него необходимости не было: нашу шпану из многотиражек знали хорошо, как и мы корифеев из городской газеты. Наши материалы для публикаций брали охотно, было бы качество.

С шахматами по жизни

С Габдуллой мы общались постоянно. Обычно после нервотрепного и насыщенного трудового дня мы не мчались в кафешку, а степенно пройдя сотню метров от редакции-типографии, приземлялись на часок у гостеприимного редактора городского радио Леонида Бинемана за рюмкой чая и обменивались новостями. Габдулла сразу садился за шахматы. С этими его шахматами я проехал насквозь весь Узбекистан и побывал в горах Таджикистана. На мою реплику из Маяковского «шахматы ему, они вождям полезней» он стойко не реагировал.

В быту с ним не всегда было просто, но почему-то легко. Месяц мы благостно прожили в гостях у щедрого остроума, нашего коллеги Леонида Ветштейна в окружении наших газетчиков, прибывших десантом в Навои. Много ездили по солнечному Узбекистану, праздновавшему пятидесятилетие своей советской республики, и – так получилось – не забывали о своей профессии. Мы с Габдуллой давали материалы не только в «Индустриальный Навои», но и в областную «Бухарскую правду». Спустя пару месяцев после возвращения из Средней Азии моя жена с недоуме-

нием разглядывала почтовый перевод из загадочного «Бухоро хакикати» на 17 рублей – очень приличные по тем временам деньги. Моим заверениям, что мы с Габдуллой публиковались на узбекском языке, поскольку мы великие его знатоки, она не поверила.

Узбекские мотивы

«Узбекские мотивы» Габдуллы иногда обретали не газетную, а стихотворную форму и тут же шли в печать. Вот мы поехали в пионерлагерь почти за сотню вёрст от Навои. Пустыня, ущелье, каменные россыпи с наскальными надписями и восточный чинар. Страшная вещь: мы шестером, расставив руки, не могли охватить его. Утром Габдулла положил стих. Я сохранил рукопись: «На синем теле древних гор, / Где даже тени как подарок, / Горит горит большой костёр / Одной-единственной чинары. / Ей пламенеть и пламенеть / Торжественно и чуть красиво... / И медленно стекает медь / С её листы непогазимой...» Если это рифмоплётство, а не поэзия, плюньте в меня.

Через несколько лет он уехал в самую-пресамую пустыню – город золотодобытчиков Зарафшан, выпустить там газету. Первое время, приехав в отпуск в родную Магнитку, обязательно навещал нашу семью. Нам всегда было о чём поговорить.

Забегая вперёд, скажу: чем-то заманили его пустыньность песчаных барханов, сухая палящая жара летом и вольный ветер зимой. Непривычно было видеть холодную песчаную поёмку над ровнёхоньким дорожным ручьём асфальта от Навои к Зарафшану. И совсем уж обалдело выглядели среди песков высоченные бетонные стелы, держащие плиты с надписью: «Воды Аму-Дарьи работают на коммунизм». Через полчаса дороги после них, как в мареве, возникал многоэтажный красавец Зарафшан. Там прошли последние годы Габдуллы, там он похоронен. Оттуда мне привезли его стихи, часть которых не опубликована.

Последний привет

В Магнитке он известен был и как один из ведущих газетчиков, и как собрат поэтического содружества. В гости к поэту Владилеу Машковцеву меня приводил он. С писателем Константином Нефедьевым меня знакомил он у себя дома.

Он был авторитетным человеком и здесь, и в Зарафшане. В день его кончины Т. Москвина в «Зарафшанском рабочем» писала: «Твои стихи читали мы не раз, / Ахметшин всем фамилия знакома, / Так часто они радовали нас, / Желанным гостем были в каждом доме». Это был последний привет от Габдуллы летом 1997 года.

Родом из ссыльнопереселенцев, он окончил наш горно-металлургический. По образованию горный инженер, он лишь несколько месяцев проработал в Земстрое треста «Магнитострой», и уже не знаю, как мудрейший редактор Григорий Маркович перетащил его в газету. В наследство от Габдуллы мне досталась потом не только его должность – это была каторга, но и великое почтение к земстроевцам и бетонстроевцам – с них начиналась любая новостройка.

– Передашь привет Валеевым, возьмёшь материал, – говорил он.

С его «визиткой» знатный прораб из бывших ссыльных, кавалер орденов Ибрагим Гатынович и его брат мастер Гайса Валеев учили меня, дурака, понимать, что такое по Ручью «вечной крепости бетон». С их лёгкой руки учили и другие. Я их помню, я им благодарен и сегодня.

А теперь похвалю сам себя: жена не хвалила, сын понукает: «Работай, папан, пиши, есть о чём». Мне спасибо за то, что я познакомил Габдуллу с Иваном Николаевичем Ткачёвым. Подружились мы с ним, когда я был токарем-слесарем на ММК: с его будущей красавицей женой мы заканчивали вечерний филфак пединститута. Затем меня направили в редакцию «Магнитостроя», и первым моим объектом была комсомольская стройка – аглофабрика № 4. А мастером ведущего стройуправления № 6 там был комсомольский вожак Иван Ткачёв. Остальное, думаю, ясно.

Горняк по образованию, Габдулла моментально нашёл общий язык с выпускником Свердловского горного института Ткачёвым. До горного института у Ивана не заладилась учёба в Уральской консерватории, но музыкальной грамотой он владел не любительски – на баяне играл профессионально.

Нам неведом болотный покой

Короче: летним утром я собираюсь на очередной объект. Стук в дверь, и передо мной Иван Ткачёв во всей красе и большой пижаме, – он находился на лечении в первой горбольнице. Он, видите ли, напи-

сал музыку, а уважаемый Габдулла слова. И надо это совместить.

Время было – первая половина шестидесятых, на Магнитке одна комсомольская стройка сменялась другой. Вот в какой атмосфере мои друзья сочли необходимым родить марш комсомольцев Магнитки. И его исполняли по городскому радио. Мои воспоминания может подтвердить бессменный комсорг Всесоюзных ударных комсомольских строек 60–70 годов Юрий Марков.

До сих пор звучит во мне торжественная мелодия нашей молодости. Помнятся первая строфа и припев: «Пышут жаром горячие слитки, / Стройка в небо вздымает леса. / Комсомольская юность Магнитки / Трудовые вершит чудеса. / Нам неведом болотный покой, / Нам по сердцу крутое движение, / Ведь недаром гудок заводской / Нас зовёт на большие свершенья».

Иван Николаевич Ткачёв ушёл из жизни, едва прожив сорок лет, в должности заместителя начальника Главюжуралстроя по особо важным объектам. Телевышку у нас и весь комплекс телецентра, статьи сказать, строили под его руководством.

Мои друзья жили по правде, не заботились о карьерном росте, но этот рост имели. От них остались воплощённые в жизнь объекты стройки, стихи и их дети. По-моему, неплохой посыл в будущее.

А теперь часть стихов Габдуллы из неопубликованного. Передать их читателю – мой долг.

Владимир Каганис,
член Союза журналистов России

Владимир
Каганис

Стихи

Молодость

Стали пальцы заскорузлыми,
Зашершавили кольцом.
Ах ты, молодость безусая,
Повернись ко мне лицом!

Как цыганка, всюду дразнишься
Под гитарный перезвон.
Есть в годах, конечно, разница –
Для меня она как сон.

Был вчера прилежным
школьником,
А сегодня – в серебре,
Не нужны пути окольные,
Меты старости в горбе.

Встречу девушку я русую –
Обожусь шальным свинцом...
Ах ты, молодость безусая,
Повернись ко мне лицом!

Сказка

Сказка – дар волшебный детям.
Сказка взрослым как пароль.
Хоть король и не одетый,
Всё равно он есть король.

И опять берёт загадка,
Есть над чем помозговать:
Был утёныш гадкий-гадкий,
Стали лебедем вдруг звать.

Иль старуху ту возьмите,
Что вельможею была:
У разбитого корыта
Жизни истину нашла.

Мы порою тоже метим
Перепрыгнуть потолок...
Сказка – дар волшебный детям.
Сказка взрослым –
мудрость впрок.

Гульба

Хруст и шелест под ногами,
Листьев дикий пляс.
Словно женщина нагая,
Осень разошлась.

Всё сметает, оголяет
Стебли и стволы.
Пусть с недельку погуляет –
Уж грядёт белишь.

Приласкала пустыня

Лижет зноем пустыня
И грудь, и лицо,
Наливается тело
Солёным свинцом.

Вахта в полном разгаре.
Знаю: дождь не польёт.
Бур уходит натужно
В подземный полёт.

Пляшет солнце
Как хочет
На голой спине.
Солнцу мало планеты –
Вот и шпарит по мне.

Знать, недаром считают
Здесь большие рубли...
Углубляется бур
В середину Земли.

После вахты всё тело,
Как бельё, выжимай:
Накаляется жаром
Даже маковый чай.

Гложет зависть: иные
Удирают в тайгу.
Но пристроиться к ним
Не могу, не могу!

Так прекрасна пустыня,
Если рядышком ты.
Потому и вскипают
Здесь такие цветы!

Будто флаги, тюльпаны
Призывно манят.
Дорогая, навеки
Сохрани ты меня.

Дай упорства и силы.
Силой красной любви
Перед нами барханы,
Словно львы, полегли.

Ну, а если по счёту –
По большому, конечно:
Приласкала пустыня
К себе нас навечно.

Будет зной, будет вахта,
Всё осилю: ты – рядом.
Станут радости-беды
Мне с тобою наградой.

И, как прежде, с тобой
Тихо песню споём...
Бьётся сердце пустыни –
Как сердце твоё.